БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ПОѢЗДКА ВЪ БОЛГАРЫ ВЪ 1849 ГОДУ.

=

(Изъ записокъ путешествовавшаго по Россіи.)

=

I.

— Слѣдовательно, по твоимъ понятіямъ, ты осмотрѣлъ все, что есть замѣчательнаго въ казанской губерніи? спросилъ меня, продолжая начатый разговоръ, добрый пріятель мой и старый товарищъ, по классной скамейкѣ въ корпусѣ, Владиміръ Александровичъ Д**. Nota bene для читателя: разговоръ нашъ происходилъ въ Казани, въ нумерѣ, который занималъ я въ гостинницѣ, содержимой экономомъ дворянскаго собранія.

Ироническая улыбка и голосъ, которымъ былъ сдѣланъ вопросъ, немножко меня смутили; однако же я храбро отвѣчалъ:

— По-крайней-мѣрѣ, я видѣлъ все, что хотѣлъ видѣть, то-есть, осмотрѣлъ вдоль и поперегъ самую Казань, въ которой, безспорно, есть много достойнаго вниманія....

— А именно? прервалъ меня другъ мой.

— А именно, продолжалъ я, — я успѣлъ полюбоваться величественнымъ Кремлемъ, маститой Суюнбекиной башней, вновь строющимся дворцемъ превосходнаго рисунка; поклониться мощамъ преподобныхъ казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія; взглянулъ на памятникъ убіеннымъ при осадѣ Казани и монументъ нашему великому Державину; я разсмотрѣлъ наконецъ подробно безподобные кабинеты университета, его обсерваторію, клинику, анатомическій театръ, минцъ-кабинетъ, библіотеку....

— Далѣе, ввернулъ мой пріятель.

— Далѣе, повторилъ я, не забыты мною родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, духовная академія, ботаническій садъ, новая дамба и....

— Et cætera et cætera, докончилъ пріятель, замѣтя, что я уже начинаю затрудняться въ исчисленіи осмотрѣнныхъ мною казанскихъ достопримѣчательностей. Вижу, продолжалъ онъ, что ты дѣйствительно пересмотрѣлъ здѣсь все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія пріѣзжаго, пересмотрѣлъ до-того, что наконецъ въ головѣ моей рождается вопросъ: что же ты будешь дѣлать въ эти остальные четыре дня, которые тебѣ остается пробыть, по маршруту твоему, въ Казани, до полученія ожидаемыхъ тобою писемъ? Вопросъ этотъ, заключилъ мой пріятель, я дѣлаю изъ желанія помочь тебѣ сыскать средство разсѣять скуку, которая непремѣнно посѣтитъ тебя въ бездѣйствіи. Я очень хорошо знаю, что ты только созданъ для того, чтобы не посидѣть, какъ говорится, на мѣстѣ и переѣзжать безъ успокоенія, изъ одной стороны въ другую, что ты, правду сказать, очень добросовѣстно исполняешь, превосходно олицетворяя собою regretuum mobile!...

— И такъ, на зло же тебѣ, прервалъ я, съ улыбкою, словоохотнаго пріятеля, — я остаюсь здѣсь, вотъ въ этомъ самомъ нумерѣ, на всѣ четыре дня и сложа руки посвящаю себя превосходному far niente; то-есть, выкуриваю вотъ всѣ эти

сигары, перечитываю эти книги и не выхожу изъ комнаты и халата.

— Однако, сказалъ мой пріятель, съ коварнымъ намѣреніемъ вывести меня изъ бездѣйствія, не худо бы было тебѣ, хвалящемуся такъ познаніемъ Россіи, взглянуть и на уѣзды казанской губерніи, въ которыхъ, право, есть много любопытнаго....

— Да, это бы дѣйствительно было не худо, прервалъ я его съ досадой, если бы я тебѣ не сказалъ раньше, что пересмотрѣлъ и по уѣздамъ все, что заслуживало вниманія: церковь, воздвигнутую при Іоаннѣ-Грозномъ, въ Свіяжскѣ, развалины возлѣ бывшаго города Билярска....

— И развалины древней столицы Болгаровъ? сказалъ мой пріятель.

— Столицы? Какой столицы Болгаровъ? живо спросилъ я.

— Какой? повторилъ мой другъ, съ проническою улыбкою, какую только я когда-либо видѣлъ на лицѣ человѣка, — той самой столицы, которой исполинскія зданія, сотни вѣковъ существующія, и теперь какъ-бы вѣщаютъ о могуществѣ созидавшаго ихъ народа, объ его всемірной торговлѣ, просвѣщеніи; тѣхъ развалинъ, гдѣ каждый камень, каждая надпись могутъ служить безконечной темой для историка, археолога, нумизмата; тѣхъ остатковъ маститой древности, которые любопытствовали видѣть и Великій Петръ и Великая Екатерина, и которые столько занимали ученыхъ: Палласа, Френа, Сенковскаго....

Ясно было, что пріятель мой хотѣлъ поразить меня этой торжественной рѣчью въ самое сердце, и ему удалось это намѣреніе какъ нельзя лучше: я сидѣлъ блѣдный, безъ движенія, едва помня себя....

— Батюшки, караулъ! Да, вѣдь въ казанской губерніи, въ ста-двадцати-пяти верстахъ отъ Казани находятся развалины древней столицы Болгаровъ, съ ихъ чудными минаретами, палатами и загадочными надписями; остатки того славнаго города, который лѣтописцы наши называютъ „Великимъ“, и котораго обладатели, еще при зародышѣ нашего государства, вели торговлю съ Греціей, Персіей и Индіей! Да какимъ же образомъ, составляя предварительный маршрутъ сво-

ему путешествію, я забылъ о Болгарахъ? Вотъ ошибка, за которую я вполнѣ былъ достоинъ насмѣшекъ своего друга. Но время еще не потеряно: у меня впереди три дня. Это цѣлая вѣчность! „Коня! полъ-царства за коня!“ готовъ былъ я воскликнуть вмѣстѣ съ Шекспиромъ.

— Анисимъ! вскричалъ я на своего человѣка, самымъ неистовымъ голосомъ. Чтобы черезъ часъ почтовыя лошади были заложены въ коляску и ваши на своихъ мѣстахъ.

Почтеннѣйшій Анисимъ, знавшій о моемъ предположеніи пробыть въ Казани еще четыре дня и потому, вѣроятно, располагавшійся въ оставшееся время заплатить порядочную дань Морфею, при этомъ приказаніи выразилъ глазами такую фигуру изумленія и недовѣрчивости, что я долженъ былъ повторить свой приказъ двумя нотами выше, чтобы заставить его схватиться за шапку.

Мой пріятель разсыпался въ остротахъ о моемъ глубокомъ знаніи Россіи вообще и казанской губерніи въ особенности. Наконецъ, сокрушивъ весь запасъ своихъ стрѣлъ о крѣпкую броню моего терпѣнія, онъ принялъ на себя глубокомысленный видъ и началъ вѣщать мнѣ менторскимъ голосомъ:

— И такъ, любезный другъ, ты оставляешь столь умно придуманный тобою четырехдневный кейфъ и отправляешься осматривать развалины столицы древнихъ Болгаровъ, которая въ названіи своемъ сохранила и по-нынѣ имя народа, ее соорудившаго. Но прежде своего осмотра, ты долженъ отъ меня получить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, чтобы могъ извлечь изъ своего посѣщенія сколь возможно бо́льшую пользу. Я могъ это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ тамъ, года три тому назадъ. И такъ, слушай....

— Слушаю обѣими ушами, отвѣчалъ я.

— Развалины столицы Болгаровъ, началъ мой пріятель, находятся теперь въ селеніи спасскаго уѣзда, называемомъ: *Болгары*. Если ты хочешь произносить это названіе такъ, какъ оно произносится на самомъ мѣстѣ и вообще здѣсь въ губерніи, то долженъ дѣлать удареніе на букву *о*, и произносить *Бо̀лгары*, а не *Болга́ры* и не *Булга́ръ*, какъ это обыкновенно пишется. Когда именно выстроены зданія, отъ

которыхъ теперь остались развалины въ Болгарахъ и какое было первоначальное ихъ назначеніе, можно узнать обстоятельно, вопросивъ самыя развалины!.... Только надобно быть Орфеемъ, чтобы заставить говорить камни.... Что же касается до различныхъ сужденій объ этомъ предметѣ нашихъ ученыхъ, то прочтя отъ листа до листа ихъ взысканія, преніи и разглагольствованія, ты будешь имѣть лишь право громко воскликнуть съ Сократомъ его знаменитое изреченіе: „Я только то знаю, что ничего не знаю“; разумѣется, принимая эти слова въ прямомъ, а не переносномъ смыслѣ. Достовѣрно лишь одно, что эти зданія были сооружены Болгарами, когда они уже исповѣдывали магометанскую вѣру; слѣдовательно время постройки ихъ надобно положить не ранѣе первой четверти десятаго вѣка, когда болгарскимъ царемъ Алмасомъ, были вызваны изъ Багдата, чрезъ посольство къ халифу Муктадиру, художники, искусные въ сооруженіяхъ строеній, хотя въ Болгарахъ есть много развалинъ различныхъ зданій и въ числѣ ихъ два минарета, называемые „столбами“; но исключительнымъ вниманіемъ пользуется главный, по высотѣ минаретъ, стоящій возлѣ находящейся тамъ церкви, который собственно и называется въ народѣ, Болгарскимъ столбомъ. Я тебѣ почелъ за нужное сдѣлать предувѣдомленіе, прибавилъ мой пріятель, для того, чтобы ты обратилъ на этотъ столбъ, какъ на самый замѣчательный остатокъ древности, особенное вниманіе, и чтобы къ тебѣ не примѣнилась басня Крылова о любопытномъ, не примѣтившемъ слона.

Я наклонилъ голову въ знакъ одобренія.

— Вотъ тебѣ еще порученіе, продолжалъ мой пріятель. Вѣроятно ты читалъ споры ученыхъ о томъ, находилась ли столица Болгаровъ на самой Волгѣ или въ девяти верстахъ разстоянія отъ ея берега, гдѣ теперь развалины? Ну такъ я тебѣ дѣлаю порученіе при осмотрѣ мѣстности вывести свое заключеніе и тѣмъ положить свою лепту на алтарь знанія.

Я далъ обѣщаніе положить, но только никакъ не болѣе одной лепты.

Вслѣдъ за тѣмъ другъ мой разсказалъ мнѣ о знакомствѣ

своемъ съ почтеннымъ помѣщикомъ спасскаго уѣзда, въ границахъ котораго находятся Болгары, маіорѣ Ж. Онъ обладалъ нѣсколькими чрезвычайно замѣчательными вещами, найденными въ развалинахъ древней столицы, и въ особенности удивительно рѣдкимъ кинжаломъ, серебряныя ножны котораго были вычеканены съ такимъ совершенствомъ, что сдѣлали бы, по словамъ его, честь самому Бенвенуто-Челлини. Желая доставить и мнѣ удовольствіе полюбоваться этимъ кинжаломъ, красотою котораго онъ не могъ нахвалиться, пріятель мой тутъ же написалъ рекомендательное письмо къ господину Ж**, и вручилъ мнѣ съ строгимъ наказомъ, быть у него при проѣздѣ черезъ городъ Спасскъ, гдѣ онъ живетъ и гдѣ я долженъ буду мѣнять лошадей. При этомъ другъ мой слегка коснулся біографіи своего знакомаго, которому меня рекомендовалъ:

Маіоръ Ж** былъ герой двѣнадцатаго года, слѣдовательно человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, но энергическій и живой, какъ двадцатилѣтній юноша. Онъ служилъ исправникомъ въ спасскомъ уѣздѣ около тридцати лѣтъ и по этому знаетъ уѣздъ вдоль и поперегъ, а слѣдовательно никто лучше его не могъ объяснить всего, что могло касаться до Болгаръ въ настоящемъ ихъ положеніи. Для меня это была сущая находка, потому что другъ мой сообщилъ мнѣ, что ежели я успѣю понравиться маіору, то онъ, по старой привычкѣ разъѣзжать по уѣзду, самъ отправится со мною, что иногда дѣлаетъ, и тогда будетъ самымъ лучшимъ моимъ чичероне. Когда къ этому пріятель мой присовокупилъ еще, что черезъ маіора я могу пріобрѣсти, за безцѣнокъ, множество древнихъ монетъ и вещей, находимыхъ въ землѣ крестьянами села Болгаръ, во время полевыхъ работъ, которые обыкновенно сообщаютъ ему, какъ любителю, о своихъ находкахъ, то я торжественно объявилъ, что немедленно по пріѣздѣ въ Спасскъ, отправлюсь съ рекомендательнымъ письмомъ и употреблю всѣ усилія, чтобы понравиться ветерану.

Между-тѣмъ, благодаря расторопности моего Анисима, коляска вскорѣ была готова и черезъ полчаса я былъ уже за заставою города.

Мы выѣхали изъ Казани на чрезвычайно живописную до-

рогу, которая шла по берегу огромнаго озера Кабана. Съ одной стороны высились затѣйливыми обрывами горы песчанику, увѣнчанныя темною елью и широколистнымъ дубомъ; съ другой, голубыя волны Кабана били о берегъ. Миновавъ, однако же, загородный архіерейскій домъ, картинно бѣлѣвшійся въ темной зелени, на высокой горѣ, дорога сдѣлалась однообразнѣе и я, выкуривъ двѣ регаліи, почелъ долгомъ вступить въ разговоръ съ своимъ Автомедономъ, погонявшимъ четверку огромнымъ веревочнымъ бичемъ.

— Какъ тебя зовутъ, любезный?

— Да Иваномъ Нарманскимъ, сударь.

— А что, мы теперь, Иванъ, ѣдемъ по спасской дорогѣ?

— По спасской, ваше благородіе.

— Ты бывалъ ли когда въ Спасскѣ?

— Коли не бывалъ. Да я гонялъ не токмо что до Спасска, а ѣздилъ и дальше, въ Симбирскъ, въ Тетюши, въ Самару....

— Такъ по этому ты былъ и на болгарскихъ развалинахъ?

— Ну вотъ, что за Спасскимъ, старый городъ развалился, еще тамъ есть Болгарскій столбъ.... Э, знаю. Въ самомъ-то селеніи былъ я, почитай, разъ десятокъ, а развалинъ-то невдомекъ было посмотрѣть.

Я пожалъ плечами въ глубокомъ изумленіи. Быть десять разъ въ Болгарахъ и не обратить вниманія на развалины! О Готентотъ! Нѣтъ, ты не получишь серебрянаго рубля на водку, которымъ я обыкновенно награждаю ямщиковъ, сообщившихъ мнѣ какое-нибудь любопытное извѣстіе для моего дневника. Это будетъ, съ моей стороны, наказаніемъ за твое невѣжество.

— Неужели тебѣ не любопытно, любезный другъ, сказалъ я, послѣ нѣкотораго молчанія, посмотрѣть, напримѣръ, на какую-нибудь древнюю монету, сохранившуюся втеченіи нѣсколькихъ столѣтій?

— Древнюю.... сирѣчь старую, повторилъ ямщикъ, почесавъ подъ шапкой голову, да что на нее смотрѣть-то? Послѣ того, какъ становой объявилъ, что стертыя деньги не

будутъ ходить, я, почитай, старыя-то, теперь, и даромъ не возьму, хоть цѣлую пудовку давай. Развѣ Мордвамъ али Чувашамъ сбыть на поднизи бабамъ....

Я громко засмѣялся и неумѣстности своихъ распросовъ, сдѣланныхъ въ пылу археологическаго восторга и наивнымъ отвѣтамъ Ивана, дорожившаго только новизною.

Перемѣнивъ лошадей на первой станціи, я, послѣ пятичасовой ѣзды изъ Казани, подъѣхалъ къ селенію Япанчину, напоминавшему именемъ своимъ славнаго наѣздника Япанчу, который дѣлалъ набѣги на отряды войскъ нашихъ, осаждавшихъ Казань, при Іоаннѣ-Четвертомъ Васильевичѣ. И дѣйствительно, мѣсто, гдѣ стоитъ селеніе Япанчино, находилось нѣкогда во владѣніи этого татарскаго витязя. Отсюда мы должны были переправиться черезъ Каму, чтобы попасть на другую половину казанской губерніи. Въ ожиданіи, пока Татары устанавливали экипажъ мой, я вошелъ отдохнуть, по приглашенію одного изъ перевощиковъ, въ крайній отъ пристани домъ, довольно изрядной наружности.

Япанчино было первымъ татарскимъ селеніемъ, въ которомъ я находился со дня моего рожденія, а потому не удивительно, что переступя за порогъ дома, я съ любопытствомъ осматривался кругомъ себя. Въ-самомъ-дѣлѣ, убранство дома напоминало, что тутъ живутъ люди, послѣдующіе Корану: внутренность его состояла изъ четырехъ комнатъ, единообразно меблированныхъ. Къ одной сторонѣ, во всякой комнатѣ, настланы были доски, на три четверти аршина отъ полу, такимъ-образомъ, что составляли какъ бы кровати, распростиравшіяся во всю ширину комнатъ. Помосты эти, съ обѣихъ сторонъ, замѣщены были огромными пуховыми постелями, въ разноцвѣтныхъ, полосатыхъ наволочкахъ, прислоненными стойма, къ боковымъ стѣнамъ, одна па другую. Надъ этими постелями, кругомъ всѣхъ стѣнъ, тянулись узенькія полки, украшенныя лежавшими другъ возлѣ друга подушками, также въ разноцвѣтныхъ наволочкахъ. На перекладинахъ, тянувшихся, возлѣ потолка надъ помостомъ, навѣшаны были узорчатые халаты, весьма тщательно сложенные. Въ простѣнкахъ, между окнами, красовались большіе листы бумаги, испещренные изрѣченіями изъ Алкорана, размалеван-

ными различными колерами. Въ заключеніе, въ особенныхъ углубленіяхъ печекъ изъ фигурнаго изразца, стояли плоскодонные мѣдные тазы, съ длинными сосудами для омовенія. Для приданія картинѣ еще болѣе восточнаго колориту, на одномъ изъ помостовъ стояла на колѣнахъ Татарка, обратясь лицомъ къ мечети, виднѣвшейся въ окнѣ; она молилась, безпрестанно прикасаясь лбомъ къ плетеному коврику, разостланному подъ нею; на помостѣ же сосѣдней комнаты сидѣли за рукодѣльемъ, поджавъ подъ себя ноги, двѣ молоденькія Татарки, очень недурной наружности, но такъ много нарумяненныя и съ столь сильно начерненными зубами, что это составило бы гордость любой русской боярыни шестнадцатаго столѣтія.

При входѣ моемъ, онѣ закрыли половину лица широкими рукавами своихъ пестрыхъ рубашекъ, смотря однако же на меня съ любопытствомъ большими черными глазами, не лишенными пріятности и южнаго блеску. Въ довершеніе эффекта, трехлѣтній татарченокъ, сбросилъ съ головы ермолку, тонталъ ее ногами, по серединѣ комнаты, крича во все горло что-то по-татарски.

Старый Татаринъ, повидимому хозяинъ дома, войдя въ комнату, спросилъ съ поклономъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, не надобно ли будетъ для меня поставить самоваръ. Я отвѣчалъ, что не нужно, и обратясь лицомъ къ окну, началъ разсматривать представлявшееся изъ него мѣстоположеніе. Дѣйствительно, картина была завлекательная: солнце, начинавшее склоняться къ западу, сыпало черезъ тонкія облака, носившіяся тамъ и сямъ по небу, снопы своихъ лучей, въ свѣтлую Каму, которая, монотонно ударяя по временамъ въ берегъ, казалась безпредѣльно широкимъ зеркаломъ. Вдали, на другомъ берегу, чуть виднѣлся темный дубовый лѣсъ, подернувшійся синевою, отъ западавшаго солнца. Прямо противъ окна, по самой серединѣ Камы, плыла хитро-раскрашенная коноводная машина, съ множествомъ флюгерковъ и флаговъ, таща за собою подчалки съ хлѣбомъ. Вдали, на самомъ краю горизонта, бѣлѣло два, три паруса, которые, словно чайки, летѣли надъ водою, увлекаемые теченіемъ. Вѣтерокъ не шелохнетъ и все селеніе будто спитъ,

въ какомъ-то обаяніи. Только изрѣдка отдаленное рокотаніе грому, будто напоминаетъ о чемъ-то невѣдомомъ; только голосъ муэзина раздается вдалекѣ съ мечети, да волна однообразно бьетъ о берегъ.... Я забылся.... Молодая черноглазая Татарка, съ берега черпавшая воду, откинувъ красную чадру съ лица, будто манила меня къ себѣ; раздававшійся возлѣ окна, изъ густыхъ листьевъ дуба, серебряный голосъ соловья, словно несся на землю, съ верхнихъ слоевъ эѳира....

— Пей чай, бачка́; на водѣ холодна будетъ, раздался позади меня хриплый голосъ хозяина.

Я вздрогнулъ, будто окунулся вдругъ въ холодную воду. Но мечты мои разсѣялись; волшебная дымка слетѣла съ глазъ.... Я очнулся, и завелъ отъ скуки разговоръ съ хозяиномъ.

— Что это за книга лежитъ у тебя на окнѣ? спросилъ я его, указывая на книгу, испещренную арабскими буквами.

— Коранъ, бачка.

— Что же, ты что-ли его читаешь?

— Ге, мой, бачка, не читаетъ его.

— Ну такъ кто же читаетъ?

— Никто, бачка, такъ лежитъ. Мулла велитъ покупать у него, чтобы здѣсь лежало. Мулла бульно сердитъ кто не купитъ. Тому, говоритъ, Фатима, Мугаметова дочь, не будетъ помогать проходить, послѣ смерти, чрезъ Эль-Сыратъ.

— Что, который тебѣ годъ, старина?

— Ге, годовъ бульно много.

— А ты былъ въ Оренбургѣ?

— Ге, мой ходилъ туда съ старымъ отцемъ молиться.

— Не былъ ли ты еще гдѣ-нибудь дальше? спросилъ я хозяина.

— Іокъ, отвѣчалъ онъ. Далеко не ходилъ. Далеко ходить, нельзя домъ оставляй. Былъ близко: въ Казани, въ Сингилеяхъ, въ Булгарахъ....

— Я самъ ѣду въ Болгары, посмотрѣть развалины. Что, Болгарскій столбъ высокъ?

— Ге, столба нѣтъ, отвѣчалъ хладнокровно старикъ, помотавъ головою.

Меня будто ледяными иголками ударило въ спину! Я ѣду смотрѣть Болгарскій столбъ, и вдругъ — столба нѣтъ! Да для чего же мой пріятель, Владиміръ Александровичъ, рекомендовалъ мнѣ его какъ главную замѣчательность и совѣтовалъ обратить на него особенное вниманіе?

— Какъ нѣтъ столба? вскричалъ я въ крайнемъ изумленіи. Куда же онъ дѣвался? Утащилъ его что ли кто?

— Ге, кто будетъ тащить столбъ! столба нѣтъ, снова отвѣчалъ старикъ утвердительнымъ голосомъ и какъ-будто обижаясь, что не довѣряли его словамъ.

Очевидно, что онъ въ эту минуту или смѣялся надо мною, или сошелъ съ ума, что казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, Татаринъ говорилъ, хотя дурнымъ русскимъ языкомъ, но весьма толково, о прочихъ предметахъ.

Я хотѣлъ только пуститься въ объясненія, когда вбѣжавшій Анисимъ увѣдомилъ меня, что паромъ собираются отваливать и что надобно отправляться поскорѣе, потому что подуваетъ вѣтеръ и рѣка начинаетъ разъигрываться.

Я поспѣшно пошелъ къ пристани и черезъ пять минутъ паромъ отвалилъ. Въ-самомъ-дѣлѣ Анисимъ говорилъ правду: заговорясь съ Татариномъ, я не замѣтилъ, сидя возлѣ самаго окна, что собравшіяся облака заволокли небо, и довольно свѣжій вѣтерокъ зарябилъ Каму. Мало-по-малу вѣтеръ началъ болѣе и болѣе усиливаться, задерживая движеніе парома на водѣ, хотя съ десятокъ молодыхъ Татаръ, сидя въ веслахъ, гребли изо всѣхъ силъ, напѣвая какую-то пѣсню. Между-тѣмъ стемнѣло. Небо еще болѣе насупилось; удары грома раздались надъ самыми нашими головами. Чудны были эти минуты: порывистый свистъ вѣтра и шумъ валовъ и повелительный голосъ стараго корищика-Татарина, управлявшаго рулемъ, и заунывная, пронзительная пѣсня гребцовъ, не та пѣсня, которую поютъ наши мужички, вспоминая о не бѣлыхъ снѣжкахъ или Волгѣ-матушкѣ, широкомъ раздольи; но какая-то дикая, однообразная....

Послѣ двухъ-часовой усильной работы гребцовъ, мы подъѣхали наконецъ къ другому берегу; но сильный прибой волнъ не дозволялъ причаливать къ нему. Со стороны кори-

чаго требовался особенный маневрь для уничтоженія препятствія, и онъ мгновенно приступилъ къ дѣлу. По громкому и пронзительному крику его, гребцы вдругъ прекратили свои завыванія и какъ-будто воодушевясь духомъ самого шкипера, начали съ неимовѣрною силою и скоростью ударять веслами, прикрикивая при всякомъ движеніи отрывисто, въ видѣ веселой пѣсни, слѣдующій безсмысленный, но оригинальный романсъ.

Разъ, два, три!
Разъ, два, три!
Вотъ какъ, да вотъ какъ!
Еще разъ! Другой разъ!.. и тому подобное.

Благодаря этому финалу, мы черезъ пять минутъ прижнули къ берегу, а черезъ слѣдующія пять я уже несся на всѣхъ рысяхъ, по дорогѣ къ городу Спасску.

II.

Я пріѣхалъ въ Спасскъ въ одинадцатомъ часу вечера, слѣдовательно, по уѣздному, уже довольно поздно для того, чтобы итти въ домъ къ маіору Ж**, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ моего друга. Не смотря на то, я спросилъ, однако же, хозяина плохой, но единственной въ городѣ гостинницы, въ которой остановился, далеко-ли находится домъ маіора? Кто представитъ мою досаду, когда трактирщикъ отвѣчалъ, что маіоръ совсѣмъ не живетъ въ городѣ, потому что уже два года, какъ выѣхалъ изъ него, за тридцать верстъ, въ свою деревню.

И такъ всѣ мои надежды осмотрѣть Болгары въ обществѣ или, по-крайней-мѣрѣ, при напутствованіи совѣтами этого опытнаго человѣка, какимъ я воображалъ себѣ Ж**, разрушились. Я не могъ удержаться, чтобы не выразить, вслухъ, своего сожалѣнія, что маіора не было въ городѣ. — „Позвольте узнать, если смѣю сдѣлать вопросъ, батюшка, спро-

сать меня хозяинъ гостиницы, старикъ почтенной наружности", по какому-нибудь случаю, или лучше сказать, надобности, изволите вы находить нужнымъ, или лучше сказать, необходимымъ, имѣть свиданіе съ господиномъ маіоромъ?

Я объяснилъ ему, что имѣя намѣреніе осмотрѣть Болгары, хотѣлъ познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, который живя возлѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ, могъ сообщить мнѣ любопытныя свѣдѣнія о древностяхъ тамъ находящихся, тѣмъ болѣе, что онъ самъ собираетъ эти древности.

— Правду сказать, отвѣчалъ хозяинъ, господинъ маіоръ большой знатокъ или, лучше сказать, любитель древности и имѣетъ у себя много любопытныхъ вещей, отысканныхъ или лучше сказать, вырытыхъ въ Болгарахъ. Преимущественно находится у него кинжалъ, или лучше сказать ятаганъ, найденный тамъ и достойный по лезвею и ножнамъ своимъ полнаго удивленія. Я неоднократно имѣлъ удовольствіе его разсматривать.

И словоохотный трактирщикъ началъ описывать мнѣ, въ подробности, кинжалъ, о которомъ я слышалъ уже второй разъ и который, къ величайшей досадѣ моей, не могъ я видѣть своими глазами, потому что ѣхать къ маіору въ его деревню, не имѣлъ времени, а видѣть другимъ образомъ кинжалъ, не было возможности. Я снова громко пожалѣлъ, что ни маіоръ, ни кинжалъ его, не давались мнѣ, какъ заколдованный кладъ, въ руки.

— Позвольте, вскричалъ трактирщикъ, хлопнувъ себя рукою по лбу; ахъ я дуракъ, или лучше сказать существо, лишенное разсудка! Вы желаете ѣхать въ Болгары въ сопровожденіи свѣдущаго человѣка, и мнѣ давно бы слѣдовало предложить вамъ, для сопутствія, Егора Федосѣича! Эй, Петя, вскричалъ онъ, обращаясь къ стоявшему у дверей половому. Сбѣгай-ка, братъ, къ Егору Федосѣичу, да позови его сюда. Только скажи, чтобы онъ сбирался ужъ прямо по дорожному. Скажи, что въ Болгары поѣдетъ.

— Что это за Егоръ Федосѣичъ? спросилъ я съ любопытствомъ хозяина?

— Кумъ мой, батюшка, отвѣчалъ онъ. Крестилъ моего втораго сынишка, Петрушу. Этотъ отвѣтъ былъ для меня не

совѣмъ удовлетворителемъ и я снова пустился въ распросы. По справкѣ оказалось, что Егоръ Федосѣичъ служилъ въ спасскомъ уѣздѣ безчисленное множество лѣтъ при земской полиціи и командировался прежде въ Болгары, съ нѣкоторыми учеными, пріѣзжавшими осматривать развалины. Нынѣ хотя Егоръ Федосѣичъ находился въ отставкѣ, однако, по привычкѣ, съ удовольствіемъ отправлялся въ путешествіе по уѣзду, со всякимъ кто приглашалъ его. При этомъ трактирщикъ сообщилъ мнѣ таинственно, что Егоръ Федосѣичъ сопутствуетъ въ такихъ поѣздкахъ не только изъ интересу, чтобы получить какой-нибудь подарокъ, сколько изъ желанія потолковать съ новымъ лицомъ, по своей словоохотливости.

Едва мнѣ сообщена была біографія моего будущаго компаньона, какъ явился на-лицо и самъ Егоръ Федосѣичъ. Это былъ старичекъ, лѣтъ подъ шестдесятъ, небольшаго росту, съ подслѣповатыми глазами и рѣдкими сѣдыми волосами, вившимися, по старой привычкѣ, кольцами на головѣ; впрочемъ, по лѣтамъ довольно живой и развязный. На немъ была коротенькая бекешка, на заячьемъ мѣху и шерстяной шарфъ, скрещенный на груди, въ доказательство, что онъ былъ въ дорожномъ платьѣ. На одной изъ пуговицъ бекеши висѣлъ кисетъ, а въ рукахъ была трубка, съ коротенькимъ волосянымъ чубукомъ.

— Честь имѣю кланяться и рекомендоваться, сказалъ онъ мнѣ, съ довольно непринужденнымъ поклономъ; потомъ обратясь къ хозяину и пожавъ ему руку, вскричалъ: „Здравствуй, кумъ! Что, ты опять хочешь потревожить, на ночь глядя, мои старыя кости? Хе, хе, хе!“

Физіономія Егора Федосѣича съ перваго взгляду такъ мнѣ понравилась, что я рѣшился безъ труда совершить, въ сопровожденіи его, двадцати-верстную поѣздку, чтобы по-крайней-мѣрѣ не разсуждать въ дорогѣ съ самимъ собою. А разговорясь мало-по-малу съ Егоромъ Федосѣичемъ, я, къ величайшему удивленію моему, увидѣлъ въ немъ столько, такъ сказать, практическаго ума и всѣ отвѣты его исполнены были такой житейской опытности, что мнѣ, слушая его, не разъ приходило на умъ изрѣченіе одного писателя, сказавшаго, что „кто много испыталъ, тотъ умнѣе того, кто

много читалъ". Особенно интересно было въ его разговорѣ какое-то простодушіе, доказывавшее, что онъ не старался блеснуть разсказомъ, но говорилъ прямо отъ души, словомъ то, что ему приходило въ голову. Это была для меня въ дорогѣ дорогая находка.

Между-тѣмъ мой Анисимъ поставилъ на столъ дорожный самоваръ и погребецъ съ чайнымъ приборомъ. Черезъ десять минутъ темная струйка полилась изъ чайника по стаканамъ. Я предложилъ чай Егору Федосѣичу. Сначала онъ отказался, объявивъ, что теперь уже давно время ужинать; но принесенная Анисимомъ изъ коляски плетеная бутылка съ старымъ ромомъ, перемѣнила дѣло. Онъ съ удовольствіемъ принялся за стаканъ, оказавъ явное покровительство плетенкѣ, которая послѣ четырехъ стакановъ чаю, выпитыхъ имъ, убавилась почти на половину. Между-тѣмъ Егоръ Федосѣичъ вошелъ къ свою сферу: онъ отпускалъ разныя прибаутки, подсмѣивался надъ своимъ куномъ и разсказывалъ нѣкоторые любопытные эпизоды изъ своей жизни.

Ржаніе подъ окномъ гостинницы свѣжихъ лошадей, заложенныхъ въ коляску,, напомнило намъ однакоже, что пора отправляться. Я расплатился съ хозяиномъ и поблагодаривъ его за доставленіе мнѣ пріятнаго товарища, пригласилъ съ собою Егора Федосѣича. Мы понеслись по гладкой дорогѣ на лихихъ лошадяхъ. Ночь была прекрасная и воздухъ, послѣ недавняго дождя, вѣялъ ароматомъ. Я закурилъ сигару и предложилъ другую моему спутнику; но онъ отказался, увѣривъ, что къ сигарамъ не привыкъ и не хочетъ привыкать, потому что онѣ обходятся дороже табаку. При этомъ Егоръ Федосѣичъ отстегнулъ кисетъ отъ пуговицы бекеши, набилъ свою трубочку и съ наслажденіемъ закурилъ ее. Правду сказать, что если сигары обходятся дорого, то я готовъ бы былъ дать еще дороже, чтобы только не слышать запаху той отвратительной травы, которую Егоръ Федосѣичъ имѣлъ слабость называть табакомъ. Но учтивость заставила меня помириться съ своимъ положеніемъ и не сказать ни слова моему чичероне.

Съ четверть часа мы ѣхали молча. Егоръ Федосѣичъ курилъ трубку съ закрытыми глазами, видимо наслаждаясь спо-

койною качкою экипажа. Наконецъ онъ выпустилъ изо рта послѣдній залпъ дыму, выколотилъ трубку на дорогу и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А что стоитъ-съ, если смѣю спросить, ваша коляска?

— Четыре тысячи ассигнаціями, отвѣчалъ я.

— Конечно англійской работы?

— Нѣтъ, вѣнская.

— И не ломка?

— Покамѣстъ хороша. Со времени покупки ея, втеченіе четырехъ лѣтъ, не смотря на частыя поѣздки, не было еще никакой поправки.

— Конечно деньги большія, да за то и вещь хороша-съ. Да по мнѣ ужъ кто имѣетъ возможность жертвовать такими деньгами на экипажи, такъ разумѣется, лучше заплатить дороже, да чтобы было прочнѣе. Вотъ у насъ прошлаго году-съ судья изволилъ купить въ Казани у каретника коляску и заплатилъ тысячу рублей.. На видъ-то кажется и хороша, только что толку-съ: какъ еще въ первый разъ ѣхалъ сюда изъ Казани, такъ она сломалась два раза на дорогѣ, а послѣ и говорить нечего. Вотъ и выходитъ справедливо, что дешевое-то на дорогое наведетъ, или какъ говоритъ пословица: дорого да мило, а дешево, да гнило. Только коли правду сказать, такъ здѣсь вообще плохая ѣзда на ресорныхъ-то экипажахъ. Еще вотъ по большой дорогѣ туда и сюда; а поѣзжайте-ка по проселочнымъ, такъ того и смотри, что нѣмецкую-то коляску придется лечить русскимъ молоткомъ. Толи дѣло хорошій тарантасъ сибирской работы, и не дорого и покойно, словно въ колыбели! Даромъ, что вы, господа петербургскіе называете все ихъ „дурандасами“. Вотъ къ слову сказать, вспомнилъ я теперь происшествіе, которое со иной тоже было въ Болгарахъ: лѣтъ съ двадцать тому назадъ.... да, такъ точно.... въ 1829 году, былъ здѣсь иностранный путешественникъ, господинъ Гумбольтъ....

— Какъ, вы видѣли Гумбольта? прервалъ я съ любопытствомъ.

— Какже-съ; я его и возилъ сюда. Изъ Казани до Спасска онъ изволилъ прибыть, на пароходѣ, потому что

это было во время разлива, а изъ Спасска ѣхалъ въ Болгары въ коляскѣ господина маіора Ж**, который былъ тогда исправникомъ. Самъ-то господинъ маіоръ не могъ сопровождать его за болѣзнію; вотъ онъ и командировалъ меня, какъ члена земской полиціи, для распоряженій. Надобно вамъ сказать, сударь, что Болгары стоятъ на крутой горѣ, которая прежде составляла берегъ Волги....

— Неужели вы увѣрены, Егоръ Федосѣичъ, прервалъ я его снова, что городъ Болгары стоялъ нѣкогда на берегу Волги, когда, именно, многіе ученые сомнѣваются въ этомъ?

— Да вольно же господамъ ученымъ сомнѣваться-съ и видѣть черное тамъ, гдѣ бѣлое. Впрочемъ, теперь не о томъ рѣчь. Вотъ-съ какъ мы доѣхали до горы, господинъ Гумбольтъ вышелъ изъ коляски; я тоже вылѣзъ изъ своего тарантаса. Коляскѣ господинъ Гумбольтъ велѣлъ ѣхать впередъ, а самъ остался, съ бывшимъ съ нимъ профессоромъ казанскаго университета Э**, внизу, разсматривать земляные слои, изъ которыхъ состоялъ берегъ. Вотъ-съ, какъ коляска начала подниматься, меня и дернула словно нечистая сила. Думаю: господинъ маіоръ, отдавая коляску, приказалъ мнѣ беречь ее какъ свой глазъ, потому что коляска была новенькая—только съ молоточка.... Дай-ка, думаю, сяду въ нее чтобы чего не случилось. Сказано — сдѣлано. Только мы поднялись до половины горы, вдругъ лошади, видно испугавшись чего, рванулись въ сторону: шкворень нополамъ, кузовъ на бокъ и я, со всего маху, грянулся на землю! Ну хоть бока себѣ порядкомъ помялъ, да еще слава Богу, что не свалился подъ гору. Вотъ вамъ, батюшка, и ресорные экипажи!

Я посмѣялся и поблагодаривъ Егора Федосѣича за разсказъ, спросилъ: на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, что городъ Болгары стоялъ нѣкогда на берегу Волги?

— На чемъ, сударь? повторилъ Егоръ Федосѣичъ съ усмѣшкою, да на свидѣтельствѣ собственныхъ своихъ глазъ. Если и ваши глаза видятъ на десять шаговъ впередъ, въ чемъ впрочемъ сомнѣваюсь, потому что вы что-то часто заглядываете въ вашу лорнетку, такъ завтра, или даже и сегодня, подтвердите своимъ зрѣніемъ.

И дѣйствительно любопытно было убѣдиться въ этой догадкѣ. Еще прежде меня двадцать ученыхъ путешественниковъ, осматривая Болгары, старались опредѣлить древнюю мѣстность этой столицы въ отношеніи къ Волгѣ и, по достохвальному обыкновенію всѣхъ ученыхъ, разсуждая объ одномъ и томъ же предметѣ, выводили, почти каждый, особое заключеніе — доказательство, что въ ученомъ мірѣ органъ зрѣнія играетъ не слишкомъ завидную роль. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время развалины древней столицы Болгаровъ находятся въ девяти верстахъ отъ Волги, тогда какъ арабскій писатель Ибнъ-алъ-Варди, жившій въ тринадцатомъ столѣтіи, очень ясно говоритъ, что Болгаръ, считавшійся знаменитымъ городомъ того времени и имѣвшій у себя пристань, стоитъ на самомъ берегу Волги. Другой знаменитый арабскій географъ, Эмадъ-Эддинъ-Исмаилъ, онъ же Абульфеда, родившійся въ 1273 году и умершій въ 1331, подтверждаетъ то же, удостовѣряя, что городъ Болгары находился на сѣверо-восточной сторонѣ Волги, на одной равнинѣ съ Сараемъ, и Волга, протекая близъ города, огибала его съ сѣверной и западной сторонъ. Новѣйшіе ученые, разсматривая развалины Болгаръ и не видя близъ нея Волги, раздѣлились на нѣсколько партій, каждая съ своимъ различнымъ ученіемъ; а именно: одни говорятъ, вопреки свидѣтельству арабскихъ писателей, но руководствуясь очевидностью, что городъ этотъ никогда не былъ на самомъ берегу. Другіе приводитъ въ доказательство того, что рѣка протекала близъ столицы и послѣ того измѣнила теченіе, татарскую лѣтопись „Теварихъ-удъ-Даваиръ“, въ которой говорится, что Волга перемѣнила свое русло черезъ пятьдесятъ четыре года, по завладѣніи городомъ Тимуръ-Аксакомъ, по-просту Тамерланомъ, слѣдовательно въ 1445 году, такъ какъ Тамерланъ разрушилъ этотъ городъ, во время похода своего на Тохтамыша, въ 1391 году. Наконецъ третьи, самые ново и много ученые, опасаясь, чтобы между этими двумя партіями не возгорѣлась война въ родѣ Алой и Бѣлой розы, вздумали составить новое предположеніе, на изобрѣтеніе котораго нужно было имѣть цѣлый четверикъ остроумія. Эти господа третьи, вѣря буквально во всѣ арабскія лѣтописи, которыя

послѣ Тысячи и Одной ночи, безспорно самой справедливѣйшей изъ всѣхъ арабскихъ исторій, пріобрѣли особую степень вѣроятія, утверждаютъ, что городъ Болгары дѣйствительно стоялъ возлѣ Волги. Но какъ Волги въ настоящее время подъ развалинами Болгаръ на-лицо не имѣется, словно она въ воду канула, а между-тѣмъ, объяснять, что Волги тутъ не видно потому, что она совершила фантастическій вояжъ, за девять верстъ, какъ толкуетъ татарская лѣтопись, значило бы объяснять по старому,—тогда какъ ученое предположеніе должно отличаться новизною, — то эти господа третьи и постановили нижеслѣдующій аргументъ: болгарская столица дѣйствительно стояла близъ Волги, согласно съ Арабами; но и самая Волга дѣйствительно находится на томъ же мѣстѣ гдѣ была прежде, даже и не думая о путешествіи. Видимая же нынѣ разница, по которой развалины отстоятъ отъ рѣки на девять верстъ, происходитъ оттого, что нынѣшнія развалины суть остатки не того города Болгаръ, о которомъ упоминаютъ арабскіе писатели, а другаго, выстроеннаго позже, а когда—о томъ Богъ вѣдаетъ; городъ же Болгары, нынѣ скрывшійся съ лица земли, о которомъ повѣствуютъ Ибнъ-алъ-Варди и Абульфеда, стоялъ именно на томъ девяти-верстномъ пространствѣ, которое отдѣляетъ теперь рѣку отъ развалинъ. Браво! Да здравствуетъ словесное истолкованіе.

Я самъ готовъ былъ придержаться этого предположенія, что-то плохо вѣря въ путешествіе нашей Волги-матушки и разсказы о томъ татарской лѣтописи, съ-тѣхъ-поръ, какъ одинъ Татаринъ въ Казани страшно надулъ меня халатомъ, продавъ за настоящій бухарскій, своего произведенія. Послѣ этого въ моихъ глазахъ показалось очевиднымъ, что и авторъ лѣтописи Теверихъ-удъ-Даваиръ, надувалъ такимъ же образомъ своихъ почтеннѣйшихъ потомковъ.

Однако, Егоръ Федосѣичъ, которому я передалъ всѣ эти пренія, не былъ подобно мнѣ убѣжденъ въ послѣднемъ предположеніи, и спросилъ меня, усмѣхаясь:

— А что же эти господа ученые, которые утверждаютъ, что возлѣ Волги стоялъ другой городъ, не высмотрѣли ли это въ зрительныя трубы?

— Не знаю, можетъ-быть и въ трубы. А что?

— Да такъ; я бы тогда сказалъ про нихъ пословицу, что глаза по ложкѣ, а не видятъ ни крошки, отвѣчалъ онъ со смѣхомъ. Да вотъ, вскричалъ вдругъ Егоръ Федосѣичъ, послѣ небольшой паузы, благо мы подъѣзжаемъ и къ Болгарамъ; будьте вы сами судьею. Ну взгляните, что вы видите?

Дѣйствительно, мы уже приближались къ селу Болгарамъ, чего я прежде не замѣтилъ, занятый разговоромъ съ моимъ спутникомъ.

Передъ нами высилась довольно крутая гора, наверху которой, по всему протяженію темнѣли крестьянскіе домики. Подъ горою растягивалось болото, покрытое мѣстами мелкимъ кустарникомъ. Вдали за болотомъ высились непрерывною цѣпью горы, ограничивая собою горизонтъ. Блестящій мѣсяцъ, ясно вырѣзавшись изъ тонкихъ облаковъ, кидалъ лучи своего свѣту во всѣ стороны, черезъ прозрачный воздухъ разрѣженный дождемъ, съ такою щедростью, что наши взоры могли далеко оглядывать окрестность.

— Ну, скажите, Христа-ради, вскричалъ Егоръ Федосѣичъ, съ жаромъ обращаясь ко мнѣ и энергически сдѣлавъ полукругъ рукою, съ чего же господа ученые вздумали сомнѣваться въ томъ, что Болгары никогда не стояли на Волгѣ, когда вотъ передъ вашими глазами свидѣтельство? Посмотрите на эту гору, гдѣ находятся развалины и на дальныя горы, по ту сторону болота. Не ясно ли, что они были берегами Волги, которая текла по мѣсту, гдѣ теперь это болото, а слѣдовательно возлѣ самыхъ Болгаръ. Вы, чай, видѣли, проѣзжая изъ Япанчина, вправо отъ дороги, ложе старой Камы, измѣнившей нѣкогда свое теченіе? Ну, не правда ли, что эта мѣстность очень сходна съ тою. Да и что мудренаго, что татарскіе писаки, о которыхъ вы говорили, правы, и что Кама, впадающая въ Волгу, въ одно время съ нею перемѣнила теченіе, потому что, до Волги отсюда въ прямую линію всего верстъ осемь, что увидите вы завтрашній день, если взберетесь наверхъ какой-нибудь развалины. Да и вотъ что еще возьмите въ соображеніе: говорятъ, что эти Болгары были когда-то знаменитымъ городомъ, жители котораго

ПОѢЗДКА ВЪ БОЛГАРЫ ВЪ 1849 ГОДУ.

(Изъ записокъ путешествовавшаго по Россіи.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

III.

Я проснулся, на другой день пріѣзда моего въ Болгары, когда уже Фебъ, „богъ сребролукій, Кроніона сынъ“, какъ называетъ его Гомеръ, горѣлъ на горизонтѣ, съ ослѣпительной пышностью. Часы показывали половину седьмаго. Воздухъ, не смотря на яркіе лучи солнца, былъ свѣжъ и живителенъ, чему конечно много помогали испаренія отъ Волги, колыхавшіяся надъ нею блѣдноголубоватою лентою. Я отворилъ небольшое окошко, выходившее въ поле и полной грудью впивалъ въ себя струи воздуха. Вылитыя на меня Анисимомъ, вслѣдъ за этимъ, по обыкновенію, два ведра холодной воды, стряхнули послѣдніе слѣды сонной нѣги и вотъ я храбро принялся за дѣло. Первымъ долгомъ моимъ было освѣдомиться, черезъ перегородку, о здоровьи сотоварища моего Егора Федосѣича; но его не было въ наличности. По собраннымъ справкамъ оказалось, что онъ, поднявшись, на свѣтъ ни зоря, отправился куда-то подъ гору, на которой стояло село Болгары. Въ ожиданіи его прибытія, я благополучно совершилъ мой утренній туалетъ

и раскрылъ записную книжку: мнѣ хотѣлось, прежде осмотру столицы Болгаровъ, изложить на бумагѣ, въ порядкѣ, всѣ, что могъ припомнить я изъ прочитаннаго объ этомъ городѣ и народѣ, въ немъ обитавшемъ. Вотъ свѣдѣнія, уцѣлѣвшія по этому предмету, въ магазинѣ моей памяти:

Народы, населявшіе въ средніе вѣка мѣста, въ которыхъ въ настоящее время находился я, называются въ лѣтописяхъ Волжскими Булгарами, для отличія отъ Булгаръ, обитавшихъ на берегахъ Дуная. Почти не существуетъ никакихъ данныхъ объ ихъ происхожденіи: были ли они древними обитателями этой страны или, какъ предполагаетъ Карамзинъ, переселились съ береговъ Дона, въ VII вѣкѣ, не желая повиноваться хозарскому хану. Первое историческое упоминаніе о Волжскихъ Булгарахъ относится къ X столѣтію и принадлежитъ арабскому путешественнику Ибнъ-Фоцлану, который былъ самъ въ землѣ ихъ и оставилъ весьма любопытное описаніе, сохранившееся до нашего времени, въ переводѣ, на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ. Какъ изъ описанія Ибнъ-Фоцлана, такъ и свѣдѣній, оставленныхъ другими арабскими географами, посѣщавшими послѣ него землю Булгаровъ, видно, что въ X столѣтіи Булгары были уже сильнымъ и трудолюбивымъ народомъ, имѣвшимъ торговыя сношенія съ самыми отдаленными странами, при пособіи рѣкъ Волги, Камы и Каспійскаго моря. На базарахъ городовъ ихъ продавались и драгоцѣнныя ткани Византіи, и блестящее оружіе, вывезенное съ Востока, и пушистые мѣха отдаленнаго Сѣвера. Что Булгары, уже въ десятомъ вѣкѣ, были сами искусны въ различныхъ ремеслахъ и заботились объ удобствахъ жизни, довольно хорошо доказываетъ, между прочимъ, и отвѣтъ воеводы Добрыни Владиміру, хотѣвшему обложить ихъ данью: „иже вси въ сапозѣхъ, симъ дани не дати, пойдемъ искати въ лапотникъ“. Въ 942 году, Булгары приняли магометанскую вѣру и съ того времени сдѣлались ревностными послѣдователями корана. Исторія не сохранила свѣдѣній объ отношеніяхъ этого народа къ обитателямъ сосѣднихъ странъ, исключая Русскихъ, съ которыми Булгары вели непрерывныя войны, кончавшіяся съ перемѣннымъ счастіемъ для обѣихъ сторонъ, что продолжалось до самаго нашествія Монголовъ на Россію. Эти кровожадные поработители нашего

отечества были вмѣстѣ съ тѣмъ и бичами, прекратившими существованіе Булгаровъ, въ видѣ отдѣльной націи. Въ 1236 году, Монголы проникнули до города Болгаръ и предавъ его огню и мечу, сдѣлались властелинами булгарскаго народа, который, впослѣдствіи слившись съ своими побѣдителями, утратилъ наконецъ и самое имя, составивъ съ ними, такъ называвшуюся *Кипчакскую Орду*. Между тѣмъ Русскіе, по мѣрѣ того какъ освобождались отъ порабощенія Татаръ, снова начали вступать въ болѣе и болѣе упорныя распри съ народами, населявшими землю Булгаръ, хотя она и находилась подъ властью хановъ. Такимъ-образомъ лѣтописцы наши упоминаютъ о походѣ сюда, въ 1389 году, великаго князя Василія Димитріевича, прозваннаго завоевателемъ Булгаріи. Впрочемъ довольно трудно опредѣлить эпоху, когда земля Булгаровъ окончательно перешла въ обладаніе Россіи, хотя по всему должно предполагать, что это произошло при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ въ то же время, когда и Казанское Царство было присоединено къ скипетру Царей русскихъ.

Болгары, столица Волжскихъ Булгаровъ, въ развалинахъ которой въ настоящее время находился я, основана была, по словамъ татарскихъ лѣтописцевъ, Александромъ Великимъ. Разумѣется объ этомъ сказаніи, за достовѣрность котораго нельзя поручиться даже въ шутку, можно упомянуть только для того, чтобы не говорить, что время основанія этого города покрыто *мракомъ неизвѣстности*. Какъ бы-то ни было, достовѣрно извѣстно однакоже о существованіи города уже въ десятомъ столѣтіи подъ этимъ именемъ, хотя Абуль-Феда, умершій въ 1331 году, и говоритъ что....

— Кофе давно готовъ, сударь!

Эти послѣдніе слова были сказаны, впрочемъ, не Абуль-Федой, а моимъ Анисимомъ, давно стоявшимъ предо мною, въ молчаніи, съ стакаиомъ кофе и наконецъ рѣшившимся вывести меня, изъ вѣковъ отдаленныхъ, въ настоящій. Я поворотилъ голову. Недалеко отъ меня, возлѣ окошка, сидѣлъ въ совершенномъ молчаніи Егоръ Федосѣичъ, прихода котораго я не замѣтилъ.

— Хе, хе, хе! записались, батюшка, сказалъ онъ, увидѣвъ, что я оставилъ перо и записную книжку.

— Ба, Егоръ Федосѣичъ! я занялся и не вижу, что кофе готовъ и вы возвратились изъ вояжа. Что же вы не кушаете?

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ, отвѣчалъ старичекъ, выколотя трубку на подъ-оконникъ и набивая ее своимъ варварскимъ табакомъ. Я до этого снадобья не охотникъ; горячитъ очень-съ. Да при томъ и не привыкъ, знаете-съ. Вотъ если-бы вы попотчивали кофеями мою Анфису Ивановну, то ужъ, батюшка, не получили-бы отказу: она у меня, голубушка, усидитъ не одинъ десятокъ такихъ кофейниковъ-то какъ этотъ. Дѣло другое, прибавилъ Егоръ Федосѣичъ послѣ нѣкотораго молчанія, коли-бы вы соблаговолили.... то-есть, такъ сказать.... изъ вашей фляжечки....

— Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь. Эй, Анисимъ, фляжку!

Принявъ изъ рукъ Анисима дорожную фляжку, Егоръ Федосѣичъ очень внимательно осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ будто видя въ первый разъ, потомъ осторожно отвинтилъ серебряный стаканчикъ, закрывавшій пробку, медленно нацѣдилъ его, вровень съ краями, водкой, еще разъ полюбовался самымъ стаканчикомъ и наконецъ душкомъ выпилъ до капли. Кончивъ эту операцію, онъ обтеръ губы клѣтчатымъ платкомъ, прислонилъ фляжку къ рамѣ окна и отыскивая что-то въ карманѣ, сказалъ:

— Ну-съ, теперь я васъ тоже порадую въ свою очередь: извольте-ка взглянуть, что это такое?

Я посмотрѣлъ къ нему въ руку. На ладони Егора Федосѣича лежало съ десятокъ обыкновенныхъ рѣчныхъ галекъ, различной величины и небольшая раковинка.

— Что же тутъ особеннаго? спросилъ я съ удивленіемъ.

— А вотъ что, батюшка, отвѣчалъ посмѣиваясь Егоръ Федосѣичъ. Мнѣ показалось, что вы вчера не совсѣмъ убѣдились моимъ доказательствомъ, что болото, которое тянется подъ Болгарскою горою, есть мѣсто древняго теченія Волги....

— Признаюсь, что имѣю нѣкоторое сомнѣніе.

— Ну такъ чтобы не было съ вашей стороны этаго сомнѣнія, извольте-ка получить отъ меня на память вотъ эти

гальки и раковины, которыя я вытащилъ изъ разныхъ мѣстъ болота и за которыми провозился часа три, чтобы только имѣть удовольствіе доказать вамъ прежнее присутствіе на мѣстѣ болота, Волги, потому что вѣдь дѣло извѣстное, что рѣчныя гальки да раковины не будутъ валяться на мѣстѣ, по которому никогда не протекала рѣка....

Я разцѣловалъ почтеннаго старичка за его премудрое доказательство и положилъ подарокъ съ свою шкатулку.

— Скажите, какъ вамъ пришла въ голову эта чудесная мысль? спросилъ я Егора Федосѣича.

— Да это мысль не моя, батюшка, а профессора казанскаго университета В**, съ которымъ я также былъ здѣсь года за четыре. Онъ тогда, набравъ на болотѣ съ горсть галекъ, пришелъ въ такой восторгъ, что словно отыскалъ золотую руду. Вотъ какъ вы, вчера, начали расказывать, что на болотѣ стоялъ городъ, мнѣ и пришло на мысль поискать для васъ тоже галекъ. Хе, хе, хе!

И старичекъ залился смѣхомъ; я самъ улыбнулся. Признаюсь, что доказательства моего спутника были довольно сильны, чтобы убѣдить всякаго невѣрющаго въ томъ, что Волга дѣйствительно измѣнила свое теченіе и слѣдовательно столица Болгаровъ стояла на ея берегу.

— Теперь, сказалъ Егоръ Федосѣичъ, пожалуй можно отправиться и въ путь-дорогу. Поѣдемте-ка осматривать развалины; благо время хорошее.

Егоръ Федосѣичъ взялъ съ собою двухъ мужичковъ — чичероне, чтобъ показывать ближайшія дорожки и тропинки, а я захватилъ портфель, пачку сигаръ, карманный компасъ и въ футлярѣ походную, десяти саженную тесьму, для измѣреній. Мы вышли на улицу и направили путь къ церкви, отъ которой начинались развалины.

Селеніе Болгары состоитъ, въ настоящее время, изъ 196 дворовъ казенныхъ крестьянъ, которыхъ считается мужескаго полу 609 душъ. Въ немъ одна каменная церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1734 году купцомъ Вихляевымъ. Отъ этой-то церкви начинаются развалины въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Развалины эти состоятъ изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ, сло-

жепныхъ изъ дикаго камня, зданій, называемыхъ здѣсь „памятниками“, изъ множества возвышенныхъ бугровъ, разбросанныхъ тамъ и самъ по полю и минарета, носящаго названіе „столба“. Другой минаретъ, самый высокій и притомъ болѣе любопытный, недавно упалъ, какъ я сказалъ выше. Всѣ эти развалины находятся въ чертѣ земляного вала, сопровождаемаго рвомъ, направленіе которыхъ можно различить вездѣ, хотя съ трудомъ, на поверхности земли. Валъ огибаетъ собою неправильный четвероугольникъ, двѣ стороны котораго по четыре и другіе двѣ по осьми верстъ.

Во время осмотра Болгаръ въ 1768 году Палласомъ и Озерецковскимъ, сопровождавшимъ въ путешествіи академика Лепехина, они видѣли здѣсь до сорока четырехъ, довольно хорошо сохранившихся, древнихъ зданій. Теперь, черезъ восемьдесятъ лѣтъ, остались только *шесть* развалинъ, которыя не представляютъ груды камней и, слѣдовательно, могутъ быть еще предметомъ ученыхъ наблюденій. Развалины эти суть: Малый минаретъ; палатки: Николая Угодника, Черная, Бѣлая и двѣ безъименныхъ. Вотъ все, что въ теченіе вѣковъ, успѣло уцѣлѣть отъ ржавчины времени и — конечно не надолго! пройдетъ еще десять, двадцать лѣтъ, и вмѣсто возвышающихся теперь зданій, только шесть новыхъ бугровъ, присоединясь къ множеству другихъ, предстанутъ глазамъ любопытнаго путника! По этому понятно, что я горѣлъ желаніемъ всмотрѣться въ лицо маститой древности и сохранить въ памяти ея физіогномію.

Первымъ дѣломъ нашимъ было осмотрѣть церковь и поклониться явленному образу, въ ней находящемуся. Образъ найденъ въ двадцати верстахъ отъ селенія Болгаръ и состоитъ изъ мѣдной доски, на которой, въ нѣсколькихъ кругахъ, изображены древней греческой рѣзьбою, дѣянія Святыхъ; въ срединѣ видна Богоматерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Самое зданіе церкви не имѣетъ въ себѣ ничего примѣчательнаго, но ея фундаментъ составляетъ истинную драгоцѣнность для археолога: онъ сложенъ весь изъ камней и плитъ, собранныхъ съ различныхъ мѣстъ пространства, окруженнаго валомъ, а эти камни и плиты покрыты множествомъ надписей на восточныхъ языкахъ, которыя хотя и много пострадали отъ времени, но все-таки могутъ предста-

нить обильную жатву для любознательнаго ума. Обходя кругомъ церкви и осматривая фундаментъ, верхняя часть котораго, изпещренная буквами, огибала ее, какъ бы таинственнымъ кольцомъ, сомкнутымъ самою вѣчностью, я пожалѣлъ отъ души, что былъ плохимъ оріенталистомъ. — Мнѣ однако же пришло на мысль скопировать нѣсколько надписей яснѣе другихъ сохранившихся, чтобы предложить для разбору свѣдущимъ людямъ и я исполнилъ это съ пунктуальною точностью. Надобно сказать, что о существованіи этихъ камней съ надписями было одно преданіе и только нынѣ, во время перестройки церкви, обнажили совершенно фундаментъ отъ щекатурки и открыли надписи для всеобщаго любопытства и уразумѣнія немногихъ. Впрочемъ, по всему должно предположить, что они заключаютъ только надгробныя эпитафіи, изсѣченныя на татарскомъ, арабскомъ и армянскомъ языкахъ, такъ какъ плиты и камни брались съ древнихъ могилъ, которыя они покрывали. Объ этомъ можно судить по описанію Озерецковскаго, напечатавшаго въ „Дневныхъ запискахъ“ Лепехина, переводъ надписей, бывшихъ на сорока девяти, видѣнныхъ имъ въ то время, камняхъ. Изъ нихъ сорокъ-шесть были на арабскомъ и татарскомъ и три на армянскомъ языкахъ. Надписи эти, дурно въ то время переведенныя, возбуждали относительно времени своего существованія, много споровъ между учеными, пока наконецъ Клапротомъ и Сенъ-Мартеномъ не было рѣшено, что самыя древнѣйшія изъ нихъ не старѣе тринадцатаго столѣтія.

Мнѣ хотѣлось взглянуть на камни, описанные Озерецковскимъ; но ихъ уже не было въ наличности. Я пожалѣлъ, что время и невѣжество прекратили ихъ существованіе, такъ, что никто изъ крестьянъ-чичероне, водившихъ меня по Болгарамъ, не могъ показать мнѣ и послѣдняго камня съ надписью, видѣннаго здѣсь въ 1813 году академикомъ Френомъ.

Осмотрѣвъ церковь, мы отправились къ мѣсту, на которомъ возвышался прекрасный минаретъ, такъ недавно упавшій. Минаретъ этотъ стоялъ возлѣ самой церковной ограды, какъ показываетъ оставшійся фундаментъ, изъ обтесеннаго камня. Сказано, что при разрушеніи своемъ, онъ упалъ, какъ мнѣ сказывали очевидцы, не на одну какую-нибудь

сторону, хотя уже нѣсколько десятковъ лѣтъ видимо клонился на одинъ бокъ, но разсыпался совершенно перпендикулярно, такъ, что представилъ, послѣ паденія своего, груду камней, расположенныхъ въ видѣ огромнаго круга. Нынѣ всѣ эти камни сложены, по распоряженію ближайшаго начальства, въ правильную кучу, возлѣ самаго фундамента, который остался еще, чтобы на старости лѣтъ, повеличаться, предъ любопытными путешественниками, своею особою.

Вотъ свѣдѣнія о „Большомъ столбѣ“:

Минаретъ былъ сложенъ весь изъ дикаго камня, вышиною въ двѣнадцать саженъ. Онъ имѣлъ квадратное основаніе, котораго каждая сторона была въ семь съ половиною аршинъ. Входъ въ это зданіе былъ съ южной стороны черезъ небольшую дверь, отъ которой шла лѣстница до самой верхней части минарета. Взобравшись на верхъ по семидесяти четыремъ ступенямъ, можно было любоваться, сквозь небольшія окна, картинными видами, оттуда открывавшимися. Верхняя часть минарета, по приказанію бывшаго казанскаго вице-губернатора Гурьева, была предохранена отъ вліянія времени и непогодъ, желѣзною крышею, и самыя стѣны минарета по возможности исправлены. Вообще о сохраненіи этого памятника древности, прилагаемы были особенныя попеченія, такъ что еще Императоръ Петръ-Первый, при посѣщеніи Болгаръ въ 1722 году, во время персидскаго похода, замѣтя, что фундаментъ минарета былъ поврежденъ, приказалъ его исправить. Вотъ подлинный приказъ его, писанный по этому предмету, изъ Астрахани, къ бывшему въ Казани губернаторомъ Солтыкову, доказывающій, до какой степени Великій Государь обращалъ вниманіе на все, что̀ представлялось его орлиному взору:

„Въ бытность Нашу въ Болгарахъ видѣли Мы, что у „стариннаго болгарскаго строенія башни или колокольни „фундаментъ испортился, и оной надлежитъ поддѣлать вновь, „того для пошлите туда нынѣ человѣкъ двѣнадцать каменьщиковъ съ ихъ инструментами и нѣсколько бочекъ извѣсти, „а камня тамъ стараго довольно есть. Такъ же мостъ и старое по времени вели починить.“

Вслѣдствіе этого повелѣнія, тогда же была произведена поправка и верхняя часть столба окована двумя толстыми

желѣзными обручами. Говорятъ, что до самаго паденія минарета, можно было еще видѣть, внутри его надъ дверьми, послѣдніе три слова имени Петра, начертанные имъ самимъ на камнѣ, помощью какого-то острія.

Невдалекѣ отъ большаго минарета находится площадь, къ углу которой примыкали, нѣкогда, четыре башни; — теперь видны только ихъ основанія. Башни эти соединены были между собою стѣнами, тоже нынѣ не существующими, направленіе которыхъ впрочемъ можно разсмотрѣть и въ настоящее время. Надобно думать, что упавшій минаретъ составлялъ съ ними одно зданіе и что башни окружали мечеть, а можетъ-быть и дворецъ ханскій.

Въ одиннадцати саженяхъ отъ ближайшей къ церкви башни высится небольшое осьми-стѣнное зданіе, изъ дикаго камня, съ куполомъ внутри, которое болгарскіе жители называютъ: „Палаткою Николая Угодника.“

Дѣйствительно, при существованіи здѣсь нѣкогда греческаго монастыря, это зданіе обращено было въ церковь во имя Св. Николая Чудотворца, въ которой совершалось служеніе до построенія, въ 1734 году, описанной мною каменной церкви, послѣ чего эта была упразднена. Престолъ, покрытый бѣлою пеленою, показываетъ и нынѣ мѣсто, гдѣ была здѣсь Святая Святыхъ.

Не далеко отъ этой палатки мы видѣли другую, не носящую особаго названія: она сложена изъ чрезвычайно толстыхъ кусковъ дикаго камня и не имѣетъ ни одного окна. Во внутренность ведетъ небольшая дверь; въ стѣнахъ видны основанія сводовъ, которые составляли потолокъ. Все заставляетъ догадываться, что это зданіе было какою-нибудь кладовою, можетъ быть принадлежавшей ко дворцу, который былъ не далеко отъ нея, или хранившей сокровища государства.

Но любопытство влекло меня далѣе: мнѣ хотѣлось поскорѣе взобраться на верхъ малаго минарета, красовавшагося отъ насъ въ полуверстѣ и еще уцѣлѣвшаго отъ разрушенія, не въ примѣръ своему большому брату, котораго подножіе мы осматривали. Не теряя времени, я отправился къ предмету моихъ желаній. Правду сказать, это путешествіе обошлось не дешево. День былъ такъ жарокъ, что можно было, ка-

жется, испечь яйцо на открытомъ воздухѣ, не говоря уже о моей бѣдной головѣ, которую даже соломенная шляпа тяготила какъ пудовая гиря. Солнце, не довольствуясь тѣмъ, что пышно освѣщало предъ нами развалины бывшихъ дворцевъ и мечетей, еще обильно лило на насъ потокъ лучей своихъ. Но вотъ еще нѣсколько шаговъ — и мы у столба! Малый столбъ совершенно сходенъ былъ съ большимъ въ архитектурномъ отношеніи, такъ, что послѣ паденія послѣдняго, напоминаетъ его всѣмъ, кромѣ размѣровъ: большой минаретъ былъ вышиною двѣнадцать, этотъ девять саженъ. Онъ имѣетъ форму колонны, основаніе которой составляетъ четырехъ-угольный фундаментъ, вышиною пять аршинъ, съ срѣзанными на верху углами. На этомъ основаніи виситъ осьмисторонній уступъ, вышиною въ два аршина, на который уже опирается самый столбъ, покрытый желѣзною конусообразною крышею. — Двадцать лѣтъ тому назадъ, этотъ минаретъ находился въ самомъ печальномъ положеніи; а въ настоящее время исправленъ казанскимъ купцомъ Юнусовымъ. Его иждивеніемъ минаретъ былъ починенъ и покрытъ желѣзною крышею снаружи, а внутри общекатуренъ и снабженъ деревянною лѣстницею, по которой можно подняться до самой возвышенной точки минарета. Лѣстница эта имѣетъ пятьдесятъ ступеней и при освѣщеніи изъ оконъ, пробитыхъ въ разныхъ мѣстахъ минарета, очень удобна для всхода. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы добраться до верхней ступеньки не было утомительно: я особенно при моемъ полнокровіи и настоящей усталости, окончивъ восхожденіе, осмотрѣлся съ самодовольствіемъ, какъ человѣкъ, совершившій не маловажный подвигъ. Но бросивъ взоръ вокругъ, съ высоты минарета, вознаграждаешься вполнѣ, за труды восхожденія, видомъ, который плѣняетъ своею картинностью: передъ вами какъ будто раскинута искусно составленная карта. Смотришь во всѣ стороны, изъ маленькихъ круглыхъ окошечекъ минарета, какъ въ стекло косморамы и не налюбуешься представляющимися предметами. Съ одной стороны темный лѣсъ обрамливаетъ горизонтъ, съ другой, дальнія горы тянутся голубой полосою; кругомъ катится во всѣ концы зеленое поле, по которому тамъ-и-сямъ пестрѣютъ развалины: тутъ стѣна съ обломкомъ карниза, здѣсь насыпь, тамъ остатки башни, нѣкогда увѣнчанной луною, теперь до

колонны придавленной въ землю — преклонясь подъ гнетомъ времени, ждутъ окончательнаго разрушенія.... Только храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, стройно возноситъ къ небесамъ главу свою, увѣнчанную некрушимымъ символомъ христіанства....

Спускаясь уже съ столба, я пристально всмотрѣлся въ стѣны: они были испещрены надписями, частью на русскомъ и бо́льшею частью на восточныхъ языкахъ. Всякій изъ восходящихъ на минаретъ, почитаетъ обязанностью оставить по себѣ напоминаніе. Нѣкоторые изъ надписей были довольно оригинальны и я хотѣлъ ихъ списать въ свой дневникъ, но Егоръ Федосѣичъ остановилъ меня, важно объявивъ, что теперь некогда заниматься вздоромъ и что намъ надобно поспѣшить еще осмотромъ прочихъ развалинъ. Я успѣлъ только черкнуть карандашемъ на стѣнѣ: „Павелъ Юрткульскій“ и поспѣшилъ спуститься.

По выходѣ изъ минарета, мы осмотрѣли развалины башни, находящейся въ одиннадцати саженяхъ отъ столба на сѣверо-западъ отъ входа въ него. Башня эта четырехъ-угольная и почти квадратная, каждая сторона имѣетъ въ длину около четырехъ саженъ. Верхъ этой башни былъ сведенъ прежде куполомъ, что доказываютъ стѣнки, на которыхъ онъ покоился. Въ семи саженяхъ отъ этой башни была другая, соединявшаяся съ нею каменной галереею, подъ которою былъ входъ въ подземелье. Теперь этого ничего нѣтъ, кромѣ кучи камней, по которымъ только можно видѣть подтвержденіе о существованіи нѣкогда описанныхъ мною построекъ.

Возлѣ этихъ башенъ лежитъ замѣчательный клочекъ земли, въ сорокъ квадратныхъ саженъ, обнесенный рѣшеткою: къ этому-то небольшому пространству стремятся мысли каждаго поклонника Магомета, живущаго въ казанской и смѣжныхъ губерніяхъ.

Правовѣрные чтители корана, принадлежащіе въ Казани, къ почетному торгующему сословію и обращающіе милльоны свои въ коммерческихъ операціяхъ, и бѣдняки, Татары, живущіе гдѣ-нибудь за Оренбургомъ, и важные, престарѣлые муллы въ почетныхъ чалмахъ, и молодые, лихіе Татарчата, только что вошедшіе въ водоворотъ жизни—все это спѣшитъ изъ разныхъ мѣстъ, въ извѣстное время года, чтобы совершить мо-

литву и коснуться челомъ къ землѣ, именно на этомъ пространствѣ, огражденномъ рѣшеткою.... Здѣсь было, по сказанію татарскихъ лѣтописцевъ, ханское кладбище, на которомъ погребено десять мужей, чтимыхъ Мусульманами.

При моемъ осмотрѣ этого мѣста, тутъ молилось человѣкъ двадцать Татаръ, пришедшихъ изъ ближайшихъ мѣстъ на поклоненіе. Я началъ распрашивать одного изъ мужичковъ вожатаевъ, въ какое время наиболѣе бываютъ здѣсь сборища Татаръ; нѣтъ ли чего замѣчательнаго въ ихъ обрядахъ и, слушая отвѣты его, подивился особому какому-то складу ума русскаго человѣка, по которому онъ умѣетъ удобно приноровляться ко всякому случаю.

Такъ называемая *Черная Палата* или *Судейскій домъ*, есть одна изъ палатокъ, лучше другихъ сохранившихся. Это высокое квадратное зданіе, увѣнчанное куполомъ; оно имѣетъ три яруса оконъ и, какъ видно, состояло изъ двухъ этажей, изъ которыхъ верхній былъ въ два свѣта, въ нижнемъ же свѣтъ едва проникалъ черезъ маленькія, чуть видныя окна. Преданіе говоритъ, что здѣсь ханы судили своихъ подданныхъ, отчего собственно произошло названіе судейскаго дома и я готовъ привести доказательства, въ подтвержденіе справедливости этого преданія: именно, маленькія окна нижняго этажа, который, безъ всякаго сомнѣнія, составлялъ темницу для преступниковъ. Это подтверждаютъ еще болѣе стѣны, нѣкогда окружавшія зданіе, слѣды которыхъ видны и теперь. Пространство, обогнутое ими вѣроятно составляло дворъ для заключенныхъ,—самыя же стѣны служили предохранительною мѣрою отъ ихъ побѣга. Верхній ярусъ палаты былъ отщекатуренъ и щекатурка еще и теперь держится на стѣнахъ большими массами. Надъ аркой двери, находящейся на лѣвой сторонѣ отъ входа, остался даже карнизъ, на которомъ видѣнъ кусочекъ лѣпнаго барельефа, превосходно сохранившійся. Что же относится до преданія, будто палата эта получила названіе *черной*, отъ стѣнъ, закоптѣвшихъ во время пожара, произведеннаго Тамерланомъ, при Абдуллахъ-Ханѣ, то мнѣ кажется, что это чистѣйшая сказка. Начать съ того что стѣны совершенно не носятъ на себѣ слѣдовъ пожара, что доказываетъ и оставшаяся щекатурка, сохранившая понынѣ бѣлый цвѣтъ. Скорѣе можно предположить, что наиме-

ваніе палаты Черною, дано въ позднѣйшее время, уже русскими жителями села Болгаръ, въ контрастъ съ *бѣлою* палатою, которая внутреннимъ и частью наружнымъ цвѣтомъ стѣнъ, донынѣ подтверждаетъ это названіе.

Эту-то бѣлую Палату и валъ, окружающій всѣ развалины, оставалось намъ еще осмотрѣть, чтобы заключить тѣмъ обзоръ столицы древнихъ Болгаровъ.

Я спросилъ Егора Федосѣича, согласенъ ли онъ съ предположеніемъ, что Черная Палата получила свое названіе уже въ позднѣйшія времена, а не отъ закоптѣлыхъ стѣнъ, со временъ Тамерлана? Но почтенный компаніонъ мой былъ согласенъ со мною только въ одномъ, что давно была пора обѣдать. Въ-самомъ-дѣлѣ часы показывали уже половину пятаго и желудокъ мой очень явственно докладывалъ, что онъ не довольствуется моральною пищею, которую доставляло намъ разсмотрѣніе развалинъ, а желаетъ чего-нибудь посущественнѣе. Для удовлетворенія въ одно время апетита матеріальнаго и умственнаго, мы рѣшили, чтобы Егоръ Федосѣичъ отправился съ мужичками-вожатыми за провизіей и принесъ ее къ Бѣлой-Палатѣ, которую я долженъ былъ осмотрѣть до обѣда, послѣ чего мы хотѣли совершить путешествіе вдоль вала, огибавшаго развалины. А какъ отъ Черной-Палаты, гдѣ мы были, до нашей квартиры было версты двѣ, то Егоръ Федосѣичъ придумалъ отправиться за снѣдью, къ священнику, красивый домикъ котораго, живописно рисуясь возлѣ церкви, привѣтливо поглядывалъ на насъ въ отдаленіи. Мы отправились по предположенному маршруту.

Бѣлая-Палата отстоитъ отъ Черной на осемьдесятъ саженъ и заслуживаетъ вниманія по своей постройкѣ: она состояла первоначально изъ трехъ отдѣленій, имѣла въ длину двѣнадцать саженъ и увѣнчивалась пятью куполами. Нынѣ осталось лишь среднее отдѣленіе, съ большимъ куполомъ,— все прочее представляетъ груды камней. Изъ сохранившейся части зданія видно, что оно состояло изъ квадратной залы съ большимъ куполомъ, къ каждой сторонѣ котораго примыкала особая комната, соединявшаяся съ нимъ аркою, такъ что все зданіе представляло, внутри, одну храмину, имѣвшую форму равносторонняго креста. Подъ бѣлою Палатою находится подземелье и есть преданіе, что оно ведетъ въ кладо-

вую, расположенную подъ средней залой, но это только преданіе. Въ настоящее же время никто не рѣшался туда проникнуть, хотя, судя по входу, мнѣ кажется это было бы не слишкомъ трудно исполнить. Одна предосторожность, необходимая въ такомъ случаѣ, — это Девіева лампа, которую должно взять съ собою, во избѣжаніе могущаго воспламѣниться въ подземельи спертаго воздуха, если отправиться туда съ простымъ фонаремъ.

Существуютъ двѣ догадки о первоначальномъ назначеніи Бѣлой-Палаты. Палласъ полагалъ, что это была мечеть и считалъ подземную комнату погребомъ, куда ставились тѣла усопшихъ. Господинъ профессоръ Эртманъ думаетъ, напротивъ, что зданіе было банею, основываясь на сходствѣ расположенія его съ восточными этого рода постройками и на открытыхъ имъ подъ поломъ палаты горизонтальныхъ углубленіяхъ, въ которыхъ, по его предположенію, лежали трубы, для проводу воды. Теперь ничего этого видѣть невозможно, потому что не только не существуетъ никакихъ углубленій подъ поломъ, но нѣтъ даже слѣдовъ и самаго полу. Вездѣ прахъ и запустѣніе. Только одно изъ доказательствъ, приводимыхъ господиномъ Эртманомъ въ подтвержденіе, что зданіе было банею, сохранилось понынѣ: это круглое отверстіе въ правомъ противуположномъ углу отъ входа, ясно свидѣтельствующее, что въ него была вложена нѣкогда труба.... Но для чего именно? — загадка, для разрѣшенія которой, за неимѣніемъ лучшаго, слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора.

Я въ подробности осмотрѣлъ Бѣлую-Палату внутри и обошелъ раза три кругомъ ея снаружи, и какъ Егоръ Федосѣичъ все еще не являлся съ ѣдобными продуктами, то въ ожиданіи его, прилегъ отдохнуть на травѣ, въ тѣни бросаемой одною изъ стѣнъ палаты. Усталость отъ продолжительной ходьбы и солнечный зной расположили меня мало-по-малу ко сну, отъ котораго однако же сначала я храбро отбивался; но природа взяла свое и вотъ мысли мои начали путаться какою-то пестрою вереницею; все, что приходило мнѣ въ тотъ день, на память, изъ прочитаннаго прежде о Болгарахъ, какъ будто возникнувъ изъ праха временъ, мелькало въявь передъ глазами.... Словно спахнулъ кто ржавчину вре-

мени съ разрушенныхъ зданій, высившихся передо мною: съ бѣлыми стѣнами, изукрашенными узорчатыми арабесками, они стройно глянули на меня, будто вышедшія только изъ рукъ багдадскихъ своихъ строителей.... Вотъ тамъ-и-самъ замелькалъ народъ, заколыхали цвѣтные ковры и флаги, потянулись арбы съ дорогими товарами по базарамъ и улицамъ.... Гонцы скакали стремглавъ къ дворцу ханскому, дервиши тѣснились возлѣ мечетей, все кипѣло и двигалось.... Я заснулъ....

IV.

Не знаю, долго ли спалъ я, когда почувствовалъ, что меня схватилъ кто-то за руку. Открываю глаза: молодая Татарка обнимаетъ мои колѣна, заливаясь слезами. Было уже темно, только мѣсяцъ, блуждая между тучами, слабо освѣщалъ окрестность, доставляя однако же столько лучей, что я могъ разсмотрѣть мою гостью. Боже Праведный, какъ была хороша она!! Конечно пламенный Востокъ никогда не производилъ болѣе совершеннѣйшаго существа! Темные, большіе глаза ея, будто метали въ меня искрами, черные волосы лились ручьями изъ подъ красной чадры на ея грудь. А кораллы ея губъ, шелкъ бровей, розы ланитъ.... Чудныя, обнаженныя руки, будто вылитыя изъ античной бронзы?... Я млѣлъ отъ восторга....

— Абзей, братъ мой. говорила она трепещущимъ голосомъ, спаси меня отъ смерти и я буду вѣчно твоею рабынею. Я ушла тихонько изъ дому брата, чтобы жить съ другомъ моимъ Ахметомъ, за котораго родные мои не хотѣли отдать меня волею. Ахъ, вскричала Татарка, ломая себѣ руки въ изступленіи, я сейчасъ видѣла какъ защищая меня, другъ мой палъ отъ руки брата, бросившагося за мною въ погоню, съ моими другими братьями. — Слышишь ли ты, прошептала она съ ужасомъ, дико озираясь кругомъ и прислушиваясь къ глухому ропоту, несшемуся съ дороги; — слышишь ли конскій топотъ и ржаніе коней? Это братъ мой скачетъ, чтобы поразить Фатиму тѣмъ же кинжаломъ, отъ котораго слетѣла голова Ахмета! — О защити, защити меня! — И она бро-

силась на грудь мою.... Голова моя закружилась, кровь прибила ключемъ въ голову.... Я сомкнулъ глаза и судорожно сжалъ красавицу въ своихъ объятіяхъ....

Страшный конскій топотъ, неистовые крики и громкіе звуки рога, раздавшіеся почти возлѣ самаго моего уха, вывели меня изъ онѣмѣнія.... Первымъ долгомъ моимъ было инстинктивно прижать красавицу, чтобы защитить отъ нападенія, — но ея уже не было. Открываю глаза — и вотъ картина, которая представляется моимъ взорамъ: высокій, почтенной наружности мужчина, въ охотничьемъ платьѣ, только что спѣшившись съ коня, прикалываетъ кинжаломъ зайца, затравленнаго собаками, которыя, какъ будто сожалѣя объ отнятой у нихъ добычѣ, завывали неистовымъ голосомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, лихой псарь сосворитъ собакъ, призывая остальныхъ знакомыми имъ трелями рожка. Человѣкъ пять охотниковъ несется во весь опоръ, съ разныхъ сторонъ, къ мѣсту побоища.....

Дворцы, стѣны, минареты изчезли вмѣстѣ съ моимъ сномъ, только вѣтеръ по старому свистѣлъ въ развалинахъ Бѣлой-Палаты, колыхая пушистый ковыль по долинѣ. Все еще не понимая, что я видѣлъ всю эту фантасмагорію во снѣ, я ищу безсознательно рукою Татарку и схватываю Егора Федосѣича, который только что собрался поднести ко рту чарку съ водкой....

— Что вы! вскричалъ старичекъ, съ неудовольствіемъ подаваясь всѣмъ тѣломъ назадъ, — смотрите, сколько разлили вдругъ! Экъ заспались, батюшка. —

— Ахъ, Егоръ Федосѣичъ, виноватъ тысячу разъ. Подлинно заспался и видѣлъ во снѣ, чортъ знаетъ, какую гиль. Однако что жъ это такое? вскричалъ я съ недоумѣніемъ, показывая пальцемъ на суетящихся охотниковъ.

— Это, батюшка, заяцъ, какъ изволите видѣть, кончившій свое существованіе; это охотники господина маіора, моего стараго начальника, котораго деревня въ десяти верстахъ отсюда, а вотъ это онъ самъ изволитъ сюда шествовать. Вотъ вамъ, батюшка, и знакомство. Вѣдь вы его отыскивали въ Спасскѣ?

Предоставляю судить о моей радости и благодарности случаю, доставившему мнѣ такой пріятный сюрпризъ. Я раскланял-

ся съ маіоромъ и предъявилъ ему рекомендательное письмо моего друга, которое было, по счастью, со мной въ портфелѣ. Маіоръ Ж** принявъ и обласкавъ меня какъ нельзя лучше, предложилъ присоединить свой походный обѣдъ къ завтраку, взятому Егоромъ Федосѣичемъ отъ священника и разпѣщенному на коврѣ, въ двухъ шагахъ, отъ мѣста моего отдохновенія. Мы сѣли обѣдать.

Я съ любопытствомъ и вмѣстѣ съ почтеніемъ смотрѣлъ на стараго маіора-ветерана, поражавшаго во время оно, противниковъ нашего отечества, а теперь уничтожавшаго длинноухихъ враговъ капусты. Разговоръ, разумѣется, тотчасъ же перешелъ на Болгары и маіоръ очаровалъ меня своими замѣчаніями объ нихъ, основанными на тонкой наблюдательности. Между-тѣмъ я поглядывалъ на кинжалъ, который онъ во время нашего разговору, обтиралъ о траву, желая уничтожить на немъ слѣды крови отъ недавняго пораженія...: Чудная, слоновой кости ручка, серебренныя ножны, къ нему принадлежавшія и висѣвшія черезъ плечо маіора, на зеленомъ шелковомъ снуркѣ.... Такъ это тотъ знаменитый кинжалъ, чайденный въ Болгарахъ, о которомъ мнѣ столько толковали. Я бросился разсматривать его съ бо́льшею жадностію, нежели атаковалъ, за пять минутъ передъ этимъ, славный пастетъ начиненный дичью.

Кинжалъ этотъ длиною, съ ручкой и ножнами, шестнадцать англійскихъ дюймовъ, одна же ручка около пати дюймовъ. Онъ сдѣланъ изъ чистой дамасской стали, темной какъ воронова крыло. Безподобная ручка его изъ слоновой кости, украшена по бокамъ ярко-красными сердоликами, въ серебряной оправѣ. Но замѣчательная часть кинжала едва ли не его ножны: вылитыя изъ чистаго серебра, украшенныя сверху тройнымъ поясомъ затѣйливыхъ арабесокъ, филиграновой работы и испещренныя по остальному фону фантастичискими узорами, они имѣютъ такое совершенство въ отдѣлкѣ, что ихъ скорѣе можно принять за chef-d'œuvre какого-нибудь извѣстнаго нынѣ золотыхъ дѣлъ мастера, нежели за древность, найденную въ Болгарахъ и пролежавшую нѣсколько столѣтій въ землѣ. По богатой отдѣлкѣ кинжала, должно предполагать, что онъ первоначально принадлежалъ какому нибудь знаменитому болгарскому витязю, въ рукѣ котораго, можетъ-быть, не разъ обагрялся кровью нашихъ пращуровъ....

Надобно думать, что древніе Болгары обладали въ высокой степени искусствомъ соединять металлы, судя по слѣдующему обстоятельству: маіоръ Ж** сказывалъ мнѣ, что ножны кинжала найдены съ надломаннымъ нижнимъ концомъ, который онъ хотѣлъ припаять, серебромъ-же. Но два, три лучшіе серебряника въ Казани, не однократно придѣлывая, никакъ не могли достигнуть того, чтобы припаянный ими кончикъ не отламывался при самомъ слабомъ давленіи, хотя не жалѣли серебра на спайку. Ясно, что въ серебрѣ, изъ котораго сдѣланы ножны, находится какая-то неизвѣстная подмѣсь, увеличивающая его плотность.

На вопросъ мой, находятъ-ли нынѣ здѣсь достопамятности въ родѣ этого кинжала, я узналъ, что теперь болѣе десяти лѣтъ уже, какъ крестьяне ничего не отрываютъ, кромѣ мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, но и тѣ попадаются годъ отъ году рѣже. Однако-же, на объявленное мною желаніе пріобрѣсти что-нибудь изъ болгарскихъ древностей, одинъ изъ сопровождавшихъ насъ крестьянъ, посовѣтовавшись съ другимъ, вынулъ изъ-за пазухи и подалъ мнѣ десятка съ два маленькихъ серебряныхъ монетокъ и какой-то мѣдный сосудъ, чрезвычайно страннаго вида: онъ имѣлъ форму огромной чернильницы, только безъ дна, котораго, кажется, совсѣмъ не было и украшался кругомъ наружныхъ стѣнокъ мѣдными конусообразными шишечками. Мы долго отгадывали, къ чему могла служить эта вещь и ничего не могли придумать; впрочемъ если-бы въ ней находилось дно, то ее можно бы было принять за иготь. Я рѣшился все это купить и спросилъ хозяина о цѣнѣ.

Мужичекъ посмотрѣлъ изъ подлобья сначала на меня, потомъ на маіора, почесалъ голову и отвѣчалъ:

— Да, золотенькихъ два русскихъ надобно бы взять съ вашей милости.

— Недорого ли будетъ? сказалъ я, желая поторговаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ отправившись за кошелькомъ въ карманъ, чтобы не выпустить находки.

— Что, что? вскричалъ маіоръ, два золотенькихъ? Крестьянинъ, какъ видно, хорошо знавшій маіора, усмѣхнулся, и послѣ того уже прямо обратился къ нему съ вопросомъ:

— А по вашему, что будетъ стоить, ваше высокоблагородіе?

— А вотъ что, сказалъ маіоръ, вынувъ изъ кошелька два полтинника. Вотъ тебѣ красная цѣна: хочешь—бери; хочешь—нѣтъ?

Я полагалъ, что мужичекъ обидится; ничего не бывало. Онъ только спросилъ, какъ будто бы самого себя, не будетъ ли мало-вато? и на отвѣтъ маіора, что маловато не будетъ, а если онъ станетъ торговаться, такъ пускай дожидаетъ другаго охотника, съ которымъ, можетъ-быть, помирится, вмѣсто двухъ полтинниковъ, и на одномъ двугривенномъ,—взялъ деньги, выговоривъ только рюмочку водки.

Ну, хорошо, магарычи мои, сказалъ маіоръ съ усмѣшкою и водовавъ своего псаря, велѣлъ подать крестьянину рюмку водки. Такимъ-образомъ торгъ былъ заключенъ и я, отдавъ съ благодарностью маіору рубль серебра, сдѣлался обладателемъ монетъ и куріозной чернилицы.

— Вы не повѣрите, сказалъ маіоръ, показывая на крестьянъ, какъ искусно надуваютъ иногда эти молодцы любопытныхъ, пріѣзжающихъ сюда осматривать Болгары. Они очень хорошо понимаютъ, по какому-то инстинкту, людей, съ которыхъ можно взять больше и часто выманиваютъ значительные деньги за сущія бездѣлки. Случается иногда, разумѣется, и напротивъ. При этомъ почтенный маіоръ разсказалъ любопытный анекдотъ, случившійся здѣсь въ 1816 году.

Давно когда-то жилъ въ Спасскѣ какой-то старичекъ Сосипатръ Васильичъ, скупавшій постоянно наиболѣе замѣчательныя болгарскія находки, для продажи любителямъ. Разъ приноситъ къ нему болгарскій крестьянинъ, только что найденный имъ, во время пахоты, массивный бокалъ изъ чистаго золота, превосходной неканной работы, съ барельефами и, какъ говорятъ, даже съ надписями, вѣсомъ около фунта. Старичекъ такъ и ахнулъ отъ изумленія. Начинается торгъ. Продавецъ проситъ сто рублей, тогда еще на ассигнаціи, покупатель даетъ *маленькую*. Слово за слово, мужичекъ спустилъ до семидесяти-пяти рублей, а любитель надавалъ шестьдесятъ; тѣмъ и дѣло кончилось. Крестьянинъ поѣхалъ домой и Сосипатръ Васильичъ преспокойно отпустилъ его

въ полной увѣренности, что кромѣ его нѣкому купить и что крестьянинъ, какъ это и бывало, черезъ недѣлю отдастъ бокалъ по назначенной покупателемъ цѣнѣ. Прошла однако же недѣля, бокалъ не привозятъ и старичокъ началъ задумываться. Вѣроятно находка эта его очень соблазняла, судя потому, что онъ рѣшился велѣть заложить лошадей въ повозку и отправить бренное тѣло свое въ Болгары, за поисками. Старичекъ пріѣхалъ прямо на дворъ къ крестьянину, владѣльцу бокала и, зная, что торговаться будетъ напрасно, не говоря ни слова, вынулъ три бѣлыхъ ассигнаціи и положилъ ихъ на столъ передъ хозяиномъ. Посудите объ ужасѣ и горести любителя, когда крестьянинъ съ усмѣшкой отвѣчалъ, что онъ уже немного опоздалъ, потому что бокалъ наканунѣ только-что проданъ. Съ этими словами хозяинъ досталъ изъ ларца и показалъ изумленному старичку пачку ассигнацій, полученныхъ за находку. Въ ней была тысяча рублей. Эти деньги даны были за бокалъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, осматривавшимъ за день передъ этимъ Болгары.

Когда начало смеркаться, маіоръ предложилъ мнѣ отправиться переночевать въ его деревню, обѣщая свезти меня, на другой день, къ одному изъ помѣщиковъ спасскаго уѣзда, князю Д**, который обладаетъ превосходнымъ собраніемъ древняго оружія и въ томъ числѣ имѣетъ много копій и бердышей, вырытыхъ въ Болгарахъ. Но мнѣ нужно уже было спѣшить въ Казань, и потому я только съ чувствомъ пожалъ его руку, благодаря за привѣтливый пріемъ. Мы разстались: онъ поѣхалъ съ охотой домой, а я съ Егоромъ Федосѣичемъ отправился, на телѣгѣ, взятой у священника, вдоль вала, окружавшаго развалины, чтобы прослѣдить его направленіе хоть съ одного бока и такимъ-образомъ познакомиться съ положеніемъ древней столицы. Когда уже совершенно стемнѣло, мы отправились въ Спасскъ. На другой день, рано утромъ, разцѣловавшись съ Егоромъ Федосѣичемъ и оставивъ его восхищаться трубкой изъ лавы, моимъ подаркомъ, я скакалъ назадъ по дорогѣ въ Казань.

П. КУРТКУЛЬСКІЙ.